

Нет пророка в своем Отечестве

Незадолго до Нового года заслуженная артистка России Гита Атласман сыграла сольный концерт в музыкальной гостиной Дома Шуваловых. В городе не было видно афиш, не заметили этого события газеты, радио и телевидение. В зале собрались близкие друзья пианистки, которых интересует все, что она делает.

В первом отделении Гита Атласман играла «Чакону» Губайдуллиной и «Концерто гроссо» своего однокурсника Гальниина, который передал ей ноты весной. На концерте автора не было: летом его не стало.

Во втором отделении звучали «Чакона» Генделя и «Органный концерт» Вивальди. Замысел программы в том и состоял, чтобы соединить классиков с современниками. Оказалось, что Гендель и Вивальди писали очень актуальную для нас музыку. Слушатели не впали в эйфорию «сладостных мелодий». Кто и когда произвел Генделя и Вивальди в салонных композиторов? Гита Атласман развеяла этот приятный миф. Рояль рокотал, оглушал, виртуозные пассажи перехлестывались, в гостиной дрожали замерзшие оконные стекла...

Москва традиционно равнодушна к собственным гениям. Считается, что восхищаться ими — удел узкого круга. Но наши музыканты — люди демократичного склада. Когда они готовят программы и репетируют, то предполагают, что в зале будут сидеть не одни только тонкие ценители. Просветительство — в крови выпускников

тальная пианистка. — Как жаль, что все так поздно...

В другом бы городе, где живет такой талантливый, трудолюбивый, страдавший несправедливо человек, его привозили бы на концерты и отвозили домой и еще благодарили бы за то, что он не оставил стези искусства. Но Москва есть Москва. Сомневаюсь даже, знают ли в Комитете по культуре о существовании Гиты Владимировны Атласман, живой легенде нашей пианистической школы. В Доме Шуваловых я хотел после концерта говорить с Гитой Владимировной о музыке, но разговор прервали на самом интересном месте.

— Никаких интервью! — сказали мне. — Гостиная закрылась, дома будете интервьюировать.

И мы поспешно оделись, вышли на мороз, где было уже не до разговоров: друзья пианистки ловили попутную машину...

Я успел только спросить ее:

— Что такое музыка?

— Это жизнь человеческая, — не задумываясь, ответила пианистка. — Понимаете, музыка говорит о духовной жизни человека.

— Приходится ли вам ставить себя на место автора? Когда вы играете, вы больше автор или соавтор?

— Ни то и ни другое. Я — в авторах, а они — во мне. Я вживаюсь в текст, и не только в текст, но и в биографии композиторов. Я не отделяю себя ни от кого, кого бы ни играла. Больше всего я не терплю разделения компо-

Вячеслав БАСКОВ

Московской государственной консерватории. Полупустые залы приводят их в отчаяние, и они с тяжелым сердцем уезжают туда, где залы переполнены всегда, слушатели способны отличать исполнителей, находить неповторимость каждого и где журналисты, которые специализируются на музыкальной критике, назавтра же в газетках подвергают концерт умелому разбору. Так каждое выступление превращается в событие, интересное всем, кто был в зале и кто туда не попал. Другого способа создать так называемую «музыкальную жизнь» человечество еще не придумало. В Москве концерты проходят фактически бесследно.

Гита Владимировна Атласман закончила с отличием Московскую консерваторию в 1944 году. Ее имя золотыми буквами высечено на одной из мраморных плит в Малом зале консерватории, следом за Танеевым, Рахманиновым, Скрябиным, Игумновым, Гольденвейзером, Хачатуряном... А за ней идут Ростропович, Рихтер... Ее учитель Лев Николаевич Оборин говорил ей, что не всегда согласен с тем, как она «читает» ноты, но признавал за ней право на самостоятельность. Он не подвергал сомнению, что Гита Атласман — пианист незаурядный.

Гита Атласман неповторима и сегодня. «Причесать» ее под более известных пианистов не удалось никому. А желающих было много. После блистательного окончания аспирантуры ей оставалось только получить диплом кандидата наук, но неизвестный доброжелатель прислал в ВАК анонимку, что, дескать, в «Картинках с выставки» Мусоргского Гита Атласман позволяет себе вещи непозволительные, и документа об окончании аспирантуры Гита Атласман не получила. И это, несмотря на то, что государственная комиссия поставила ей за «Картинки» «отлично».

И тогда перед пианисткой встала очень приземленная проблема: куда устроиться на работу? В разгаре было «дело врачей», юная музыкантша, не имевшая к медицине ни малейшего отношения, пострадала от гонений тоже. Попасть в Москонцерт простой аккомпаниаторшей ей помог Дмитрий Дмитриевич Шостакович: он поручился, что она не японская шпионка.

Наделенная честолюбием ничуть не в меньшей степени, чем ее более удачливые сверстники, Гита Атласман всю свою жизнь в полном смысле слова отдала народу: с тех самых пор до прошлого года она жила гастролью. Она объездила весь Советский Союз. Город Грозный, кстати, запомнился ей тем, что ее повезли играть в местную тюрьму. Там стояло пианино без единой черной клавиши. Артистка из Москвы категорически отказалась на нем играть. Ее уговаривали, но сам вид клавиатуры с выдранными досками ужаснул ее. В Грозненском филармоническом зале, куда она уже перевела деньги за концерт.

— Ну не умеете играть — спели бы им что-нибудь! Неужели обязательно нужно пианино? — отчитывали ее. — Приезжайте со своими капризами...

Лишь в прошлом году творчество уникальной пианистки привлекло внимание министра культуры России Евгения Сидорова. Гите Владимировне Атласман присвоили звание заслуженной артистки, министр распорядился предоставить ей сцену Малого зала, где ей не позволялось играть все эти годы. Но распоряжение утонуло в филармонических кабинетах. Посмотрите на афиши — кого только не выпускают на сцену Малого зала! Там дают концерты даже студенты. А человек, чье имя высечено в холле золотом, такой высокой чести еще не удостоился.

Зато указ о присвоении ей почетного звания, который был опубликован в газете «Культура», заметили... иностранцы. Гита Владимировна побывала в Америке, Владимира два тура по Германию, всюду ее встречают поклонение, восторг, смешанные с удивлением, что никогда не слышали о таком мастере, о таком виртуозе. В Германии ее приветствовали звезды, газеты называли ее «бриллиантом» среди пианистов, на импровизированном шопеновском конкурсе ей без колебаний отдали первое место. Гита Владимировна собирается в новые страны.

— Поздно все это, — говорит со вздохом и с легкой улыбкой замеча-

зителей на «романтиков», «полифонистов» и все тому подобное. Все композиторы — мои современники. Я думаю, что моим слушателям совершенно неинтересно сидеть и галлюцинировать, представлять дам в кринолинах и мужчин в париках. Музыку писали и пишут не мультипликаторы, а люди, такие же, как мы с вами, они говорят нам о радостях, страданиях, добре, зле, о мире, войне, любви... Обо всем том, чем живем и мы с вами.

— А как вы думаете, имеет ли музыкальное сочинение содержание в литературном смысле? Действуют ли там герои, происходят ли конкретные события, есть ли текст от автора? Или музыка — это не более чем гармоничное сочетание звуков?

— Признаюсь вам, — Гита Владимировна понизила голос, — в молодости я воспринимала музыку именно так, как вы говорите. Играла Листа и не могла отделаться от мысли, что это сцены из «Фауста» Гете. Вот монолог Фауста, а вот ходит Маргарита... Но потом я перестала «накладывать» музыку на книжки. Я играю о вещах более сложных — не кто кому что сказал, кто чью руку отверг. В моей музыке сталкиваются добро — зло, горе — радость, надежда — отчаяние, вера — безверие. Но это — я. Каждый исполнитель волен интерпретировать музыку по-своему, работать так, как ему лучше, как ему ближе. Рецепты превращают бездарного, пустого человека, которому нечего сказать, в гения. Толпы исполнителей, которые вторят «правильным рецептам», стоят на пути у человека, мыслящего совершенно самостоятельно. Нет, не люблю рецептов. И не хочу давать их другим.

— И все-таки какой композитор, с вашей точки зрения, самый «говорящий»?

— Тот, кого я сейчас играю. Если бы он не был для меня самым-самым «говорящим», я бы его не играла. Но так нельзя ставить вопрос! Когда я готовлю программу, то вот она-то и становится моей самой «говорящей». Губайдулина написала «Чакону», как и Гендель. Но это две разных «Чакон». У Генделя и вообще у классиков сочинение пронизывает тема. У Губайдуллиной все выстроено на диссонансах. Однако классическая форма «Чакон» Губайдуллиной соблюдена безупречно! Сегодня они для меня самые «говорящие» композиторы, я им верю, понимаете? А в другой программе я другая. Недавно я играла программу из Мендельсона, и после концерта ко мне пришел один человек и сказал, чтобы в Малом зале я играла Мендельсона, он будет ждать и придет специально, чтобы услышать Мендельсона еще раз. Для меня это высшая похвала. Он тоже поверил Мендельсону, понял его, как поняла я.

— Значит, вы все же будете играть в Малом зале?

— Не знаю. Меня ждет операция. Если все кончится благополучно, то буду... Мне предлагали играть совсем недавно, но я очень плохо себя чувствовала и в том состоянии играть не решила. Для меня Малый зал... Ну это что-то особенное. Последний раз я там играла на госэкзамене... Я же говорю: все пришло слишком поздно...

— Гита Владимировна, вы позволяете себе менять темпы?

— Темп не меняют, темп «берется». Темп — это выражение души музыки. Я набираю дыхание — и живу. Я взволнована — дыхание учащается, я опустошена — дыхание становится ровным... Темп — это дыхание музыки. Если я взяла правильное дыхание с самого начала, то уже живу, не думая о технике. Темп зависит не от меня. У Баха в нотах темпы не представлены. Он считал, что опытный музыкант, который понял авторский замысел, сам поймет, в каком темпе играть. Темпы стали писать позже.

— А что вы делаете о паузе?

— О, пауза!.. Если бы я не боялась всеобщего осуждения, то сказала бы, что пауза в музыке — самое главное. Пауза прерывает, пауза, наоборот, соединяет, пауза ведет, пауза ломает... Пауза никогда не молчит! Пауза помогает мне понять, что хотел сказать автор!..

И тут-то наш разговор прервали и потребовали освободить помещение. Буду считать, что вынужденная пауза не продлится слишком долго...